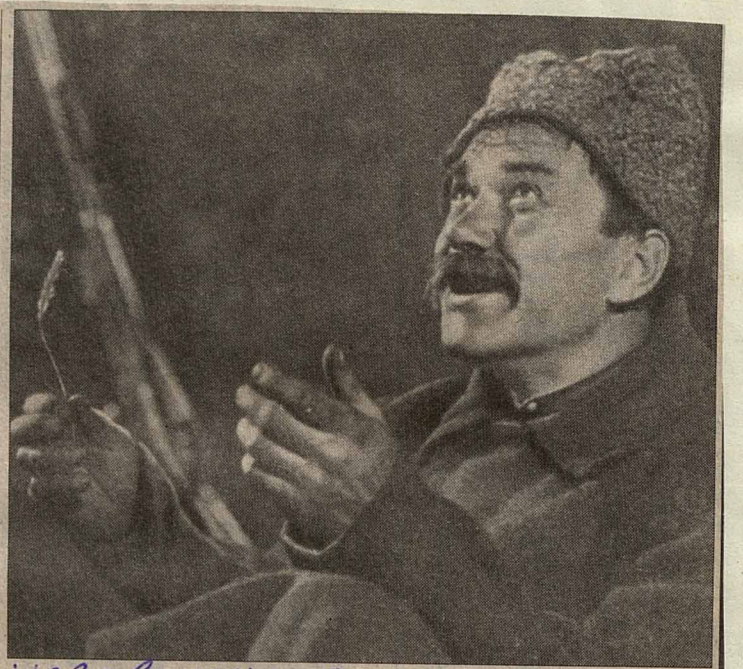
Чирков Борис

14.08.01

Екатерина Сальникова



Человек с ружьем убеждал словом.

Независимая газ. – 2001. – 14 авг. – С. 7.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОСТАК

100 лет актеру Борису Чиркову

БОРИС ЧИРКОВ был актером, который при отсутствии железного занавеса мог бы стать мировой звездой. Помимо мощного, временами даже пугающе неуемного чувства достоверности он отличался уникальной интуицией.

В «Трилогии о Максиме» Козинцева и Трауберга Чирков создал почти уникальный образ большевика – не только с простым, без чрезмерного героизма человеческим лицом, но и с экспрессивными повадками авантюриста. В чем можно при желании прочесть очень много правды о революции и революционерах.

Играл в добром советском кинохите «Верные друзья» – и неожиданно доказал, что гармоничный симбиоз народа и интеллигенции возможен если не в социальной жизни, то в фактуре и психике отдельно взятого человека. При условии, что этот человек талантлив и обаятелен как личность. Мягкий комизм и особая пластичность образа были органичны для Бориса Чиркова настолько, что, следя за жизнью его героев, забывалась их принадлежность соцреализму. Любая степень идеализации казалась в исполнении актера ярким, но деликатным жизнеподобием.

В театре Чирков стал одним из самых мятущихся и искренних Самозванцев пушкинского «Бориса Годунова». Григорий Отрепьев у Чиркова был стихийным революционером XVII века, братом Максима из уже упомянутой кинотрилогии. Он сочетал в себе наивность игрока, идущего на риск с широко открытыми любопытными глазами, и напряженность «думателя», замыслившего переворот всей российской жизни. В эпоху сталинского монументализма такой герой уже не воспринимался как сугубо положительный – за него становилось страшно, как за слишком свободного и слишком радикально инициативного человека. Он зациклился на переменах не вовремя – когда все допустимые перемены уже состоялись и в других глобальных переворотах общество пока не нуждается.

Драматизм развития советской эпохи отражался в творчестве Бориса Чиркова как бы помимо его сознательной воли. В ранних ролях 30-х годов актер сохранял «шлейф» европеизированных, независимых и дерзких годов 20-х, с их жизненной энергетикой и бесстрашным взглядом в будущее. Не случайно в самом конце 20-х Чирков еще выступал в мюзик-холле – этом пережитке революционных надежд на артистическую свободу. Не случайно среди наиболее удачных театральных работ – Иванушка в «Коньке-Горбунке», Санчо Панса, Тиль Уленшпигель. Все это полусказочные простаки, прочно стоящие на земле, поддерживаемые в экстремальных ситуациях ее доброй силой, – и в то же время мечтатели. Они на многое замахиваются и благодаря этому многого достигают.

В 40-е и 50-е годы тональность творчества Бориса Чиркова заметно меняется. Вступает в свои права тема страдающего и зависимого героя. Его душевные мучения тем сильнее, чем менее он похож на классического «маленького человека». Он не привык терпеть и бездействовать. Но жизнь все чаще складывается так, что приходится оставаться именно на этой печальной позиции. Активность действия вообще перестает приносить удовлетворение. Кузовкин из тургеневского «Нахлебника», Лебедев из чеховского «Иванова», Микола Задорожный из «Украденного счастья» Ивана Франко, Муромский из «Дела» Сухово-Кобылина – люди, которых объединяет ощущение бесперспективности собственного бытия и осознание всей глубины неразрешимых жизненных конфликтов. Сила драматизма, сложность и глубина чувства в игре Бориса Чиркова таковы, что не позволяют назвать его просто советским актером. Борис Чирков – один из выдающихся российских актеров советской эпохи. Он всегда был масштабнее тех задач, которые ставило перед ним советское искусство. ■